

Насреддин в России

Nasreddin in Russia

1
выпуск
issue

Только для некоммерческого распространения For noncommercial redistribution only

НЕРЕГУЛЯРНОЕ САТИРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ | AN IRREGULAR SATIRICAL PUBLICATION

Совместный проект группы трудовых мигрантов и художников Санкт-Петербурга Jointly produced by Saint Petersburg migrant workers and artists

Policeman: Pay 5 thousand rubles or you spend the night at the precinct!
Nasreddin: What a cheap room! Is that the price for a month?

Эта газета о том, как известный своим остроумием и талантом выпутываться из непростых ситуаций, Ходжа Насреддин отправился на заработки в Россию. А точнее, о том, как мы – группа художников и трудовых мигрантов – искали его качества друг в друге и в самих себе.

Этот фольклорный персонаж известен от Акиехира до Памира, и от Бухары до Балкан. Смеявшийся над эмиром Тимуром и ханом Бухарским, российским колониализмом, провоцирующимся председателем колхоза и патриархальными нравами в Центральной Азии и на Кавказе, Ходжа Насреддин со своим неунывающим нравом и острым взглядом очень нужен нам сегодня в России. В советские времена притчи и анекдоты о нем переводились на русский язык, о нем писали книги и снимали фильмы. Как сказал один из участников наших встреч поэт Хасан Холов, «Советский Союз, разбился, как гигантский казан, в котором нечего было варить, на мелкие кусочки» – культурная связь между независимыми государствами почти прервалась. Но может быть, странствующий на ослике задом наперед наивный мудрец или мудрый дурак Ходжа Насреддин, не позволит нам потерять ее окончательно?

Может ли смех хотя бы на время заставить людей забыть о том, что их разделяет? Могут ли богатые и бедные, полицейский и

академик смеяться над одной и той же вещью? Или юмор намертво связан с уровнем образования, достатка, обычаями, языком? Кому шутка Насреддина покажется более смешной: российскому студенту или рабочему из Мексики в США? Защищает ли юмор от расовых предрассудков? Способен ли юмор освободить? Удастся ли благодаря ему понять положение, в котором мы оказались? Можно ли с его помощью выстроить другие отношения между людьми?

Чтобы разобраться в этом, с начала марта по июль 2014 года мы собирались каждую неделю в кафе, чайханах, дворах и парках Санкт-Петербурга, чтобы пообщаться и поиграть в стратегическую игру: представить себе, как отреагировал бы Ходжа Насреддин или его сестра (придуманная нами персонаж) на ситуации, в которые часто попадают трудовые мигранты.

В газете «Насреддин в России» мы публикуем материалы наших встреч-конкурсов на лучшую шутку: наброски Анны Терешкиной, ее рисунки-комиксы, реплики в которых придуманы участниками. Рисунки чередуются с текстами «АГЕНТСТВА УТОПИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ». Это новости, какими они могли бы быть! Публикации этого агентства появлялись в разных СМИ с 2012 года. Это были выдуманные новости о национальной и культурной политике, развитии городской среды и взаимоотношениях полов – новости, которые нравились их авторам больше, чем настоящие события.

This newspaper recounts how Nasreddin Hodja, a folk character renowned for his wit and talent for getting out of difficult situations, and famed from Aksehir to the Pamirs, from Bukhara to the Balkans, went to work in Russia. Or rather, it recounts how we, a group of artists and migrant workers, looked for Nasreddin's qualities in each other and ourselves.

Nasreddin has poked fun at Emir Timur and the Khan of Bukhara, Russian colonialism, thieving collective farm chairmen, and patriarchal mores in Central Asia and the Caucasus. With his resilient temper and sharp eye, we have great need of Nasreddin in today's Russia. In Soviet times, his parables and anecdotes were translated into Russian. Books were written about him, and films made about him. As poet Hassan Holov, one of the people who attended our meetings, put it, "The Soviet Union was smashed into smithereens like a giant pot in which there was nothing to cook." Cultural ties between the newly independent post-Soviet countries have almost been lost. But maybe Nasreddin, the naive sage or wise fool who roams the land riding backwards on a donkey, can help us not to lose them completely?

Can laughter make people forget, at least temporarily, what divides them? Can rich and poor, policemen and academics,

laugh at the same things? Or is humor tightly bound up with education, income, customs, and language? Who would find Nasreddin's jokes funnier, a Russian university student or a Mexican worker in the US? Is humor a defense against racial prejudice? Can humor liberate people? Can it help us understand the situation in which we find ourselves? Can it be used to build qualitatively different relationships between people?

By way of finding out, once a week from March to July 2014 we met in Petersburg's cafes, teahouses, courtyards, and parks to socialize and play a game of strategy. We imagined how Nasreddin Hodja and his sister (a character we invented) would react to situations in which migrant workers often end up.

In the newspaper Nasreddin in Russia, we publish the fruits of these meetings and our contest to find the best Nasreddin joke: Anna Tereshkin's sketches and comics, with dialogue supplied by the contestants. The comics are interspersed with dispatches from the Utopian News Agency ("News the Way It Could Be!") These articles were published in various media in 2012–2014. The people who wrote these fictitious news stories about ethnic and cultural policy, urban development, and gender relations liked them more than real events in these same areas.

Этот вопрос остро стоит и для мигрантов из СНГ, и для уроженцев российской периферии, приезжающих на заработки в Москву и Петербург, и для столичных жителей. В позднесоветское время многие семьи, жившие в коммунальках, стояли в очереди на получение отдельной квартиры. После перестройки в России начался процесс приватизации – перехода жилья из государственной собственности в частную. Недвижимость теперь можно покупать, продавать и снимать, но средства на это есть далеко не у всех.

В 1990–2000-е годы строительные компании, банки и предприятия начали скупать квартиры в центрах крупных городов. Иногда жителям предлагали выгодные условия, иногда в ход шли угрозы, запугивание и мошенничество. В итоге многие дома расселили. Старые здания, попав в руки бизнесу, как будто вдруг вспомнили о том, что они были построены для людей разных сословий. В красивых просторных квартирах, чьи окна глядели на широкие проспекты и набережные, жили состоятельные и знатные, а в темных неудобных каморках – те, кто их обслуживал. Столетие спустя всё повторилось: в фасадной части домов появились офисы, дорогие кафе, магазины и квартиры, а во фли-

гелях, оставшихся без капитального ремонта, в антисанитарных условиях стали создавать нелегальные общежития для трудовых мигрантов. Управляющие таких домов обычно имеют налаженный контакт с Федеральной миграционной службой и договариваются о регулярных «взносах» в обмен на относительное спокойствие и предупреждения о нежелательных визитах. Впрочем, даже у таких мест есть свои плюсы. Дворы подобных домов – чуть ли не единственные места в городе, где сохранилась жизнь в публичном пространстве: в таком дворе жители общаются между собой, туда можно отпустить ребенка на весь день играть без присмотра. Многие радуются и такому жилью, ведь искать квартиру или комнату через риэлторские агентства очень дорого, а самостоятельно – сложно.

Мы много раз обсуждали эти насущные проблемы во время наших встреч. Нам стало интересно, как решили бы их Насреддин и его сестра, попав в Россию?

This is a painful problem for migrants from the CIS countries, natives of the Russian hinterlands who move to Moscow and Petersburg to work, and many residents of large Russian cities. In the late Soviet period, many families dwelling in communal flats were on official waiting lists for individual apartments. Perestroika in Russia was followed by privatization, the transfer of housing from state to private ownership. Real estate can now be bought, sold, and rented, but not everyone has the means to do so.

In the 1990s and 2000s, construction firms, banks, and business began buying up apartments in the central districts of big cities. Sometimes residents were offered good terms to sell their rooms and flats, but sometimes they were threatened, intimidated, and duped into turning them over. The end result was that many residential buildings were completely resettled. Once they wound up in the hands of businessmen, many of these old buildings suddenly remembered, as it were, that they had been built for people of different classes. In the old days before the Revolution, wealthy people and the nobility had lived in beautiful, spacious streetside apartments, while those who served them dwelt in dark, cramped rooms in the backyards and attics. This class division within

buildings has re-emerged: the front part of buildings have filled up with offices, expensive cafes, stores, and high-end flats, while illegal dorms for migrant workers have been set up in the unrenovated parts of certain houses, that is, in spaces that are ordinarily filthy and otherwise unfit for habitation. The managers of these buildings usually have good contacts within the Federal Migration Service, with whom they make deals about regular “contributions” in exchange for relative calm and warnings about impending inspections and raids. Even these places have their advantages, however. The courtyards of such houses are almost the only remaining public spaces in the city where one can let children play unattended all day long. Many people are glad to have such housing, because finding a room or a flat through a real estate agency is quite expensive, and finding accommodation by oneself, complicated.

The issue of housing repeatedly surfaced during our meetings as a topic of conversation and an urgent problem. How would Nasreddin and his sister have solved the problem if they came to Russia?

NOT EVERYBODY WANTS TO RENT TO FOREIGNERS.

НЕ ВСЕ ХОТЯТ СДАВАТЬ ЖИЛЬЕ ИНОСТРАНЦАМ.

Ad in Nasreddin's hands: "Room, 10 thousand rubles"
Landlady: The room is 10 thousand for Russians, but 15 thousand for foreigners.
Nasreddin: I am Russian! I was just away on vacation for a long time.

КОГДА НЕТ ДОГОВОРА АРЕНДЫ, НА СОСЕДЕЙ В ПОЛИЦИЮ НЕ ПОЖАЛУЕШЬСЯ.

WHEN YOU HAVE NO LEASE, YOU CAN'T COMPLAIN ABOUT THE NEIGHBORS TO THE POLICE.

Nasreddin's Sister: For some, five a.m. is party time. For others, it's time to get up and go to work.

ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИХОДИТСЯ СНИМАТЬ ОДНУ КОМНАТУ НА НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК. К НЕУДОВОЛЬСТВИЮ ХОЗЯЕВ.

TO THE DISMAY OF LANDLORDS, A SINGLE ROOM IS OFTEN RENTED FOR SEVERAL PEOPLE AT ONCE.

Landlady: Get out! I rented the room to one student, but now there's a whole band of you camping here!

Nasreddin: That student is my wife. She gave birth to a child today. Join our celebration.

На примере старого красивого, но изрядно обветшавшего особняка в центре Петербурга мы пытались разобраться в том, что происходит с недвижимостью в историческом центре города. Кто и как участвует в этих процессах?

*1
The Story of a Petersburg Mansion

*2
Police: "What's going in there?"
Migrants: "Everything's okay. We burned the pilaf."

*3
BEGINNING

Such mansions were built for the aristocracy in the 18th and 19th centuries.

*4
1917 (October Socialist Revolution)

The 1920s: communal flats are organized in such buildings by the Soviet government.

*5
The 1990s
"Who's there?"
"We've got an offer you can't refuse."

*6
Leningraders are resettled to the outskirts of the city.

*7
Director of Crooked Build construction firm:
"Hi! Maybe we could settle our migrant workers in your house? We'll cut a deal on the price."

*8
Developer:
"Fine, only Andrei Leonidovich likes things orderly."

*9
(Sign on developer's desk):
"Managing your property for you"

*10
Owner (lying on beach).

*11
Migrant workers live ten to a room.

*12
Developer:
"You'll be the caretaker. Rent only to people from your country."

Using the example of old, beautiful but fairly dilapidated mansion in the historic center of Petersburg, we tried to understand what was happening with real estate there. Who is involved in these processes? How are they involved?

*13
Caretaker (talking on one phone):
"The co-op decided not to repair the place."

Caretaker (talking on another phone):
"The Federal Migration Service is raiding the place tomorrow. I need 3,000 rubles from everyone."

*14
Federal Migration Service
paddy wagon

248 inspections a year

*15
Local Federal Migrant Service official:
"Expect another inspection in two days. Get the money ready."

*16
Car from the mayor's office:
"What a disgrace! Why is there not a single white face looking out those windows?"

*17
Woman from Federal Protection Service:
"Want to live in peace? Then 'whitewash' the front of the building."

*18
Developer:
"Andrei Leonidovich, we have to rent the front of the building to hipsters. We won't lose any money on the deal."

*19
The front of the building has been "whitewashed"!

*20
Two years later...

Developer (on the phone to the owner, still lying on the beach):
"The cafe is popular. We're opening a restaurant. Roman Abramovich bought the building next door."

*21
Migrants and hipsters are evicted from the building.

«РЕКЛАМА»

Продажа здания в историческом центре города

**СТОИМОСТЬ ОБЪЕКТА –
230 000 000 РУБЛЕЙ**

ВОЗМОЖНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ:

- ШТАБ-КВАРТИРА,
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
КОМПАНИИ;
- АПАРТ-ОТЕЛЬ;
- БИЗНЕС-ЦЕНТР;
- ЖИЛЬЕ ПРЕМИУМ-КЛАССА,
«ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА»;
- ПРЕДПРИЯТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ
ПРЕМИАЛЬНОГО СЕГМЕНТА.

“ADVERTISING”

Building for sale in the historic center

**COST OF THE PROPERTY:
230 MILLION RUBLES**

POSSIBLE USES:

- COMPANY HEADQUARTERS
OR OFFICE;
- APARTMENT HOTEL;
- BUSINESS CENTER;
- PREMIUM-CLASS HOUSING
("TOWN MANSION");
- PREMIUM-SEGMENT SERVICE
INDUSTRIES COMPANY.

«Владельцами особняков на Английской набережной всегда были представители царствующих домов России и Европы или представители родовитых фамилий из первых рядов российской знати. Эта историческая закономерность восстанавливается: на Английской набережной остались «не расселенными» только два дома: дом №18 и дом №24. К настоящему времени особняки на Английской набережной сменили «коммунальных жильцов» на государственные и частные структуры. Сегодня на Английской набережной расположены три музея, два здания принадлежат Санкт-Петербургской консерватории, в одном здании разместились фешенебельный отель «Граф Орлов», несколько зданий выкуплено коммерческими структурами, такими как ОАО «Газпром нефть» (дом №6), «Московский Индустриальный банк» (дом №8), «СК ПетроСтиль» (дом №16); двумя домами – домом №58 и домом №60 – владеют частные лица. Г-н Абрамович Р. А. в 2004 году купил дом №44, в 2010 г. под его контроль перешел исторический комплекс «Новая Голландия», расположенный в непосредственной близости от Английской набережной».

* Цитата с сайта девелоперского агентства
«Невская крепость»

“It was always members of the royal houses of Russia and Europe or families from the first ranks of the Russian aristocracy who owned the houses on the English Embankment. This historical pattern is being restored: only two houses, No. 18 and No. 24, have not been resettled. The communal apartment dwellers who lived in the mansions on the English Embankment have been replaced by public and private entities. The English Embankment now features three museums. The Saint Petersburg Conservatory owns two buildings, while the fashionable Count Orlov Hotel occupies another. Several buildings have been purchased by commercial entities such as Gazprom Oil (No. 6), Moscow Industrial Bank (No. 8), and PetroStyle construction company (No. 16). Two houses (No. 58 and No. 60) are owned by private individuals. In 2004, Roman Abramovich purchased house No. 44, and in 2010 he took control of historic New Holland Island, located nearby.”

* Quoted from the web site of the development company Nevskaya Krepost (“Neva Fortress”)

Право не иметь ничего

Дмитрий Бородулин, Ольга Житлина

The Right Not to Have Anything

Olga Zhitlina & Dmitry Borodulin

24 июня на внеочередном совещании градостроительного совета главный архитектор Санкт-Петербурга Юрий Тютюрев представил инновационный план городского развития северной столицы на период до 2016 года. Особое внимание было уделено проблемам неиспользуемого пространства и тотальной реорганизации городской инфраструктуры при сохранении неизменным исторического облика города.

Согласно новому плану под рабочим названием «БОМЖ-структура», в ближайшее время в Санкт-Петербурге начнет создаваться система модулей для доступа к городским благам, необходимым для достойной жизни и работы без постоянного места жительства. Как будет выглядеть эта инфраструктура? Отдельные элементы квартиры будут распределены в городском пространстве, в результате чего в городе появится сеть бесплатных душевых кабин, кухонь, мест для ночлега, пространств, где можно просто побыть наедине с собой, электрических розеток, компьютеров, точек доступа к интернету и так далее.

Рабочее предложение было обсуждено на открытии первой общественной площадки во Фрунзенском районе города, на набережной Обводного канала. Мы представляем материалы брифинга с ведущими специалистами города.

По городу в тапочках

Юрий Тютюрев

Мы представляем модель уютного и гуманного города-дома, жители которого не привязаны к определенной его части. Идеальный город предоставляет условия для реализации множества вариантов поведенческих и жизненных стратегий одновременно. Российские же города бедны социальной инфраструктурой, а на градостроительном уровне все больше и больше закрепляется классовое разделение. К нашим городам нужно добавлять различные модусы существования, причем не выстраивая новые районы, а равномерно внедряя эти модусы в городскую ткань. Потенциал для этого есть – это и обширное неиспользуемое пространство, и спрос на новые поведенческие практики.

Несмотря на кажущуюся утопичность этого проекта, я намерен доказать, что этот план развития – единственный выход из тупика, в который зашла наша градостроительная политика за последние полтора десятилетия.

Сегодня нелогичность использования городского пространства очевидна. По данным Госкомстата, из 200 000 жилых зданий около 6000 находится в аварийном состоянии, а пустует, по разным причинам, в несколько раз больше. Около трети исторического центра города занято промзонами, которые также часто стоят заброшенные. Доступ в эти пространства закрыт, они заморожены и исключены из городской ткани. Существовавшие планы так называемой ревитализации и «приспособления под современные нужды» предполагали

Структура капложений мне запрещает любить,

Чтобы любить, нужен бетон,
Нужны стены и двери, нужны гайки и болты.
Чтобы любить, нужен дом,
Чтоб умереть, нужен дом,
Чтобы просто ходить без штанов, нужен дом.
Зря только дразнит меня весна –
Мне запрещает любить Госплан,
Мне запрещает любить Госстрой.

...
Чтоб умереть, нужен дом,
Чтобы любить, нужен дом...

(«Гражданская оборона»)

Наш ковер – цветочная поляна,
Наши стены – сосны-великаны,
Наша крыша – небо голубое,
Наше счастье – жить такой судьбою!

(Из песни Бременских музыкантов)

On June 24, at a special meeting of the Town Planning Council, Petersburg chief architect Yuri Tyutyurev introduced an innovative urban development plan for the Northern Capital scheduled to be implemented in full by 2016. The plan pays particular attention to unused space and the total reorganization of the city's infrastructure while preserving its historic look.

Under the new plan, tentatively titled "No Fixed Abode Infrastructure," in the near future a system of modules will be set up in Saint Petersburg giving access to the things necessary for living and working in the city decently without a

fixed abode. What will the infrastructure look like? Discrete components of typical apartments will be spread around the city, thus forming a network of free shower stalls, kitchens, sleeping accommodations, spaces for being alone, electrical outlets, computers, Internet access points and so on.

The working proposal was discussed at the opening of the first public space in the city's Frunzensky District, on the Obvodny Canal. Below, we present excerpts from the briefing by the city's leading specialists.

Roaming the City in Slippers

Yuri Tyutyurev

We are introducing a model of a cozy and humane city-as-home whose residents are not tied to a particular place. The ideal city provides opportunities for simultaneously implementing a number of different behavioral and life strategies. Russian cities, on the contrary, have poor social infrastructure, and in terms of town planning, class divisions are becoming more entrenched. New modes of existences needed to be added to our cities, not by building new districts, but by implanting these modes evenly throughout the urban fabric. The potential is there: we have vast unused spaces, and a demand for new behavioral practices.

Despite the seemingly utopian nature of this project, I intend to show this development plan is the only way out of the impasse our urban planning policies have reached over the past decade and a half.

Today, the illogical use of urban space is obvious. According to the State Statistics Committee, around six thousand of the city's two hundred thousand residential buildings are in disrepair, while there several times more buildings that stand empty for various reasons. Over a third of the historic city center is occupied by industrial facilities, which are also often abandoned. There is no access to these spaces: they have been frozen and removed from the fabric of the city. Previous plans for so-called revitalization and "adaptation to modern needs" envisioned nothing more than the construction of up-market housing and business centers, but not public use of these buildings and spaces.

The situation with public space in downtown Petersburg is similar. It has been captured by the shopping and entertainment industry. A city bereft of even basic street furniture, from benches to shelters from the sun and rain, forces residents to resort to frequenting places they could otherwise easily live without, such as restaurants and cafes that charge extra for service, movie theaters and malls, places people go to kill time.

V. Ya. PUDRENKO, deputy chief architect, Saint Petersburg

Freeing up the city center using the module system will help us combat the division of the city into an expensive downtown area, where business, culture, shopping, and leisure opportunities are concentrated, and sharply contrasting outskirts where "there is nowhere to go."

просто-напросто строительство элитного жилья и бизнес-центров, но ни в коем случае не публичное использование зданий и пространства.

Схожая ситуация и с общественным пространством в центре Санкт-Петербурга. Оно захвачено индустрией шопинга и навязанных развлечений. Город, лишенный даже элементарной уличной инфраструктуры, от скамеек до навесов от солнца и дождя, вынуждает жителей прибегать к сервисам и услугам, без которых легко можно было бы обойтись, таким, как рестораны, кафе с наценкой за обслуживание, кинотеатры, моллы, в которые идут, чтобы убить время.

The structure of capital investments forbids me to love.
To love you need concrete,
You need walls and doors, nuts and bolts.
You need a home to love,
You need a home to die.
Just to go without pants you need a home.

The spring teases me for nothing –
The State Planning Committee forbids me to love,
The State Construction Committee forbids me to love.
[...]
You need a home to love,
You need a home to die.

– Grazhdanskaya Oborona (Civil Defense)

A flowery meadow is our carpet,
Giant pines are our walls.
The blue sky is our roof,
And it's our happiness to live this life!
– from the animated film The Bremen Musicians

В.Я. ПУДРЕНКО,
заместитель главного архитектора
Санкт-Петербурга

Разрядка центра города модульной системой позволит противодействовать делению городского пространства на дорогой центр, в котором концентрируются бизнес, культура, шопинг и возможности досуга и общения, и резко контрастирующие с ним городские окраины, где «некуда пойти». В Петербурге, по некоторым оценкам, проживает несколько сотен тысяч трудовых мигрантов, часто лишенных доступа к базовым бытовым благам, даже не говоря о культуре, досуге и праве участия в общественной жизни города. Предоставляя всем жителям равные возможности пользования пространством, мы стремимся снять классовый конфликт, основанный на градостроительной политике.

Л.О. ПОНОМАРЕВА,
эколог, сотрудник института
«Гринсти»

Система общедоступных модулей снижает и экологическую нагрузку на город, связанную с ненормированным потреблением. Постоянное жилище стимулирует неэкологический образ жизни. Дом – это место аккумуляции барахла (следствие навязанного потребления). Причем потребление – это императив вне зависимости от благосостояния: богатые даже свободнее бедных, потому что могут избавиться от хлама, бедные же копят, боятся выбрасывать вещи – вдруг пригодятся?

Право на номадизм

Гелла ВОЛОСОНОВА,
номадолог, доктор философии

Одновременно с появлением земледелия возникло разделение культуры на оседлую и кочевую. Оседлая культура стала преобладающей. Оценки этого факта расходятся от невозможности помыслить культуру как таковую без оседлого образа жизни до радикальной критики и призывов к возвращению к образу жизни собирателей и охотников американского анархо-примитивиста Джона Зерзана.

Практически в каждом мегаполисе существуют бомжи – современные урбанистические номады – люди, выпавшие или отказавшиеся следовать навязываемому им сценарию «нормальной» оседлой городской жизни, стигматизируемые

и выпрыгнутые за подобную дерзость из социума. Одна из причин их исключенности из общества – отсутствие ресурсов для существования без дома. Почему так происходит? Почему нарушается конституционное право человека на свободу перемещения? Ведь города могут себе позволить создание инфраструктуры для тех, кто по разным причинам не имеет или не хочет иметь дом.

Мы говорим о праве на номадизм и о свободном выборе человеком стиля жизни – кочевого или оседлого – с учетом современных реалий. Право не быть привязанным к дому, свободно комбинировать мобильность и укорененность в пространстве должно быть подкреплено созданием необходимых условий – юридических, инфраструктурных, социальных.

Роскошь не иметь ничего

В.М. ФЕДОРОВ,
замдиректора РЦПФУ
(Российского центра проблем
форсированной урбанизации)

Один из самых любопытных сейчас стилей жизни заключается в тяготении к дематериализации быта. Адепт этой практики не нуждается ни в личных вещах, ни в постоянном жилище, работает дистанционно, информацию хранит в сети, быстро перемещается из одной точки мира в другую, спит в отелях, а из личных вещей имеет телефон, ноутбук и смену белья. Он – бож-богач, который все необходимое может приобрести, использовать и выкинуть. Однако пока что роскошь не иметь ничего могут себе позволить лишь самые богатые и самые бедные. В создании инфраструктуры, которая дает возможность также широкому среднему классу не иметь недвижимости, на наш взгляд, заключается важнейшее направление развития современного города.

Итак, проект трансформации городского пространства, горячо поддержанный экспертами, начинается. Его судьба теперь зависит от жителей города, от того, будет ли созданная инфраструктура востребована ими. Агентство утопических новостей будет следить за дальнейшим развитием событий.

Материал впервые опубликован на сайте www.openspace.ru 27.06.2012 (сейчас находится по ссылке <http://os.colta.ru/art/projects/35987/>)

According to some estimates, there are several hundred thousand migrant workers in Petersburg, people who often have no access to the most basic goods and services, not to mention culture, leisure and the right to be involved in the public life of the city. By providing all city dwellers with the same opportunities to use city space, we aim to eliminate the class conflict generated by bad urban planning.

L.O. PONOMARYOVA,
ecologist, researcher, Green Steam
Institute

The system of universally accessible modules also reduces unregulated consumption's environmental impact on the city. Permanent housing encourages an environmentally unfriendly lifestyle. A home is a place for accumulating junk (a consequence of compulsory consumption). Moreover, consumption is an imperative that has nothing to do with prosperity. The rich are even freer than the poor, because they can get rid of their junk, while the poor hoard, afraid to throw away things they think might come in handy later.

The Right to Nomadism

Gella VOLOSONOVA,
Ph.D., nomadologist

Along with the advent of agriculture there emerged the division of culture into settlers and nomads. Sedentary culture became dominant. Appraisals of this state of affairs range from arguments that culture as such would be unthinkable without the sedentary lifestyle to American anarcho-primitivist John Zerzan's radical critique and call to return to the hunter-gatherer lifestyle.

There are homeless people in nearly every big city. Modern urban nomads, these are people who have dropped out or refused to follow the compulsory script for “normal” sedentary urban life, people stigmatized and kicked out of society for their audacity. One reason they are excluded from society is the lack of resources for living without a home. Why is this happening? Why is the constitutional right to freedom of movement violated? After all, cities could afford to build infrastructure for those who for various reasons do not have a home or do not want to have one.

We are talking about the right to nomadism and the individual's freedom to choose a lifestyle, nomadic or sedentary, in keeping with modern realities. The right not to be tied to a home, to freely combine mobility and spatial rootedness must be accompanied by the creation of the necessary legal framework, infrastructure and social conditions.

The Luxury of Having Nothing

V.M. FYODOROV,
deputy director,
Russian Center for Problems
of Accelerated Urbanization

One of the most interesting lifestyles now is the tendency to dematerialize daily life. Its adepts do not need personal belongings or permanent housing. They work remotely, store information on the Web, travel quickly from one part of the world to another, and sleep in hotels. Their only personal belongings are a mobile phone, laptop and change of clothes. They are rich vagrants who can acquire, use and discard everything they need. However, only the wealthiest and the poorest can afford the luxury of having nothing for the time being. In our opinion, building infrastructure that also gives the broad middle class the opportunity not to own real estate is the most important direction in modern urban development.

Warmly supported by the experts, this new project for transforming urban space thus begins. Its success now depends on the city's residents, on whether the new infrastructure proves popular. Utopian News Agency will monitor further developments.

First published at www.openspace.ru 27.06.2012

Команда:
Анна Биткина, Мария Вейц (кураторское объединение ТОК) – организаторы

Ольга Житлина – художник, редактор

Андрей Лосич – дизайн, верстка

Игорь Кравчук – редактор, корректор

Роман Ос(ь)минкин – поэт

Томас Кэмпбелл – переводчик

Екатерина Сытник, Мария Копытова – фотографы

Анна Терешкина – художник, иллюстратор

Егор Шмонин, Дмитрий Модель – видеосъемка

Андрей Якимов – эксперт по защите прав мигрантов, антрополог

Участники конкурсов:

Айгуль Абдирасулова, Дилмурод Аминджанов, Тилло Ашуров, Нодира Вафоева, Лад Даракхвелидзе, Нана Лалаян, Виктория Ломаско, Шухрат Мансуров, Усман Машарипов, Эмили Ньюман, Джонатан Платт, Алишер Рахимов, Ирина Смирнова, Отабек Тураев, Сайридин Турдиев, Мухриддин Тухтаев, Махмуджон Тухтаев, Сона Степанян, Наташа Хайруллина, Хазратали Хамидов, Абдурахим Хожиев, Кувончбек Хожиев, Олимжон Хожиев, Хасан Хохлов, Мухаммад Шамс, Хусан Ярбабаев и другие

Отдельная благодарность:

Сергею Абашину, Дмитрию Воробьеву, Ольге Бредниковой, Ольге Ткач, Ангелине Саул, молодежному объединению «Йошлар»

Проект осуществлен при поддержке
Кёльнской Академии Искусств Мира
Санкт-Петербург 2014

Production Team

Anna Bitkina and Maria Veits (Creative Association of Curators TOK) – organization

Olga Jitlina – art and editing

Andrei Losich – design and layout

Igor Kravchuk – editing and proofreading

Roman Osminkin – poetry

Thomas Campbell – translations

Ekaterina Sytnik, Maria Kopytova – photos

Anna Tereshkina – art and illustrations

Egor Shmonin and Dmitry Model – video

Andrei Yakimov – legal advice and editing, anthropologist

Nasreddin Hodja Joke Contestants

Aigul Abdirasulova, Dilmurod Aminjanov, Tillo Ashurov, Nodira Vafoeva, Lado Darakhvelidze, Nana Lalayan, Shukhrat Mansurov, Usman Masharipov, Emily Newman, Jonathan Platt, Alisher Rahimov, Irina Smirnova, Otabek Turaev, Sayriddin Turdiev, Muhridin Tukhtaev, Mahmudjon Tuhktaev, Sona Stepanyan, Natasha Khairullina, Hazratoli Hamidov, Abdulrahim Hojiev, Kuvonchbek Hojiev, Olimjon Hojiev, Hassan Khokhlov, Muhammad Shams, Husan Yarbabaev, and everyone else

Acknowledgements

Sergei Abashin, Dmitry Vorobiev, Olga Brednikova, Olga Tkach, Angelina Saul, Yoshlar Youth Association

The project was implemented with supported from
the Academy of the Arts of the World, Cologne
Saint Petersburg, 2014

Присылайте нам свои шутки, истории, рисунки, стихи в группу «Конкурс шутки Ходжи Насреддина» на сайте «Одноклассники» по адресу: <http://ok.ru/group/53137290100835>

Эта газета издана небольшим тиражом, и возможно, у авторов никогда не будет денег на переиздание. Не выбрасывайте ее! Прочли – отдайте другому!

Send your jokes, stories, drawings, and poems to the Nasreddin Hodja Joke Contestant page on Odnoklassniki: <http://ok.ru/group/53137290100835>

This newspaper has been published in a small print run, and we might not have the money to republish it. Don't throw it away. Read it and pass it on!